

Е. Д. КУСКОВА

Мысли вслух

I

Душа русской интеллигенции сшита из добротного материала: что в ней засело, зарисовалось, изнашивается не скоро. Даже под ударами судьбы... Основной рисунок этой материи — кланы, клетки. Широкого фона нет. Раз образовавшись, клан упорно борется за свое первородство, за свое лицо. И чужак — не моги...

А когда спрашивали: откуда большевики? С их нетерпимостью дикаря?

Да вот отсюда, из клана...

II

Клан трогать нельзя — идеей. Будешь врагом. Помню в 900-х годах редакция близкой мне газеты поставила на открытое обсуждение жгучий вопрос о терроре. И стала почти ненавистной всему клану революции. «Преступники» стали доискиваться причины — в чем их вина? В идейной или моральной области? В нарушении — каких правил? Оно заключалось — в моральной: *лежачего не бьют.*

— Но послушайте, господа, кто же «лежащий»? Тот, кто с браунингом и бомбой? — Ответа не последовало. Ненависть к нарушителям горела... Она жгла смельчака...

Так же было с белым движением. Коснуться идеей — не смей...

III

Самый жгучий вопрос для эмиграции — возврат на родину. И хотя в эмиграции — не кланы, и все-таки это — клан, что-то единое — эмиграция... Все, оказывается, связаны одной цепью, одной порукой. И вот нашелся смельчак, старый, уважаемый, — кажет-

ся всеми кланами, — публицист, А. В. Пешехонов. Он поставил на обсуждение жгучий вопрос — о родине и эмиграции. И сразу же стал — чужаком... На днях передаю ему кучу газет с острейшими шипами по его адресу. И слышу грустное резюме:

— Ругаются превосходно, жестоко... А идей-то и не заметили!

IV

Идей-то и не заметили... Нет, некоторые заметили. Но односторонне: подхватили и талантливо развили лишь те идеи, которые бьют и разоблачают — чужака... Пешехонов — чужак... Остальное — неинтересно.

V

Быть может, кланы растревожились из-за ошибки самого А. В. Пешехонова. Он поставил вопрос лично за себя. На это он не имел права не только с точки зрения нравов клана. Это право, — ставить вопрос лично, — он потерял давно: с тех пор как выбрал свою судьбу, судьбу общественника. Эту грубейшую ошибку, ставить вопрос лично, подхватили и разнесли его за нее — жестоко. В этом правы. От Пешехоновых ждут (те, кто ждет) не личных излияний, а указания достойного пути. Ну, что же? Клань поступили правильно: за ошибку — высекли, невзирая на стаж.

VI

Но идей, основных идей — не заметили. И своих — не прибавили. Эти идеи заметили... иностранцы. Не свои, русские. А иностранцы. В одном из последних номеров «Прагер Прессе» статьи Пешехонова, Осоргина и даже Дионео отмечены как *новое течение в эмиграции*. А затем глубокое и верное замечание... иностранцев. «Это течение, ставящее вопрос о возврате на родину эмиграции, не имеет решительно (*gar nichts*) ничего общего с так называемыми *сменовеховством*».

Иностранцы заметили *идею*.

И никто из русских не поставил основного вопроса: течение это или личное?

Да, это — *уже течение*.

VII

Еще более растревожатся кланы. Если течение — его надо искоренить и кланы «очистить». Очищайтесь, господа, от... жизни. Искореняйте то, что стучится — во все двери.

VIII

Во все двери? Но как можно стучаться в наглухо заколоченные двери? Как можно просить сторожей, «бандитов и мошенников», эти двери отворить?

Как можно просить? Просить, может быть, и не надо, и нельзя. Но проходит время, когда могуче вырастает новая задача: *засыпать ров гражданской войны*. Первые люди с заступами, приступающие к этой задаче, будут, быть может, засыпаны на смерть осыпающейся землей... За ними последуют другие. И самый вопрос — о родине и эмиграции, не будет снят с очереди до тех пор, пока ров не будет засыпан...

Но... Торговать с советами потихоньку легче, чем ставить вопрос в открытую.

IX

Сосредоточено все внимание на острой шпаге — в грудь Пешехонова. Пляшите здесь камаринские мужики, пишут одни — это выгодно советам! Вас не пустят! пишут другие: советам выгодно, чтобы вы ругали эмиграцию и просились туда — безнадежно.

Но никто не отметил самого важного. Девять десятых советской политики направлено на очарование иностранцев. Какая поучительная картина для наблюдателей — иностранцев: человек признает советскую власть, человек обещает лояльность, человек рвется на служение родине при ее *данном строе*, человек...

И его-то именно и не пускают... Картина ясная для лицемерия чего? Лица Пешехонова? Нет, картина ясная для страшного лица — режима.

Помню, как был поражен сенатор Лафолетт. Ему сказал в беседе профессор Франк: я выслан не за противодействие советам, а за несоветское мирозерцание. Всего только одна капля дегтю в сладкий мед Лафолетта, — его агитацию за признание... А «кушать» отравленное правдой кушанье покойный сенатор уже не мог: оно пахло дегтем...

Закрытие дверей перед лояльными людьми или учеными с «несоветским мирозерцанием» бьет советскую власть много

больнее, чем нападение противника. В последнем случае — борьба; в первом — сущность режима, лик власти...

И этого следствия «пешехоновских настроений» не заметили свои; они заняты: точат шпаги и рапиры — на своих. Иностранцы много наблюдательнее...

